



Глава 1

# Знакомство

---

Розовые лица.  
Револьвер  
    желт.  
Моя  
    милиция  
Меня  
    бережет.

*В. Маяковский, «Хорошо!»*

Новичок выглядел нелепо. Его серая рубаха явно была рассчитана на кого-то ниже ростом и вдобавок наделенного не такими длинными руками, так что манжеты оказались значительно выше запястья, швы врезались в подмышки, а на груди ткань слишком тесно прилегала к телу. Брюки тоже подкачали — их шили на куда более упитанного мужчину, и нынешний их стройный обладатель в них попросту тонул. Потертый коричневый ремень, которым он был перетянут, не слишком спасал положение. Из-под темной фуражки с зелеными кантами лихо торчали непокорные темные волосы, которые, похоже, давно не стригли. На воротнике рубахи красова-

лись зеленые петлицы, и человек, сидящий в кабинете, уставился на них с некоторым изумлением.

— Товарищ Опалин, — с широкой улыбкой выпалил нескладно одетый малый, обращаясь к сидящему за столом, — вот... так сказать... прибыл в ваше распоряжение... Я Юра Казачинский.

И, вспомнив что-то, он залез в один нагрудный карман, потом в другой, после чего стал рыться в кармане брюк. Не переставая улыбаться, Юра достал какую-то сложенную бумагу, напечатанную на машинке и снабженную несколькими подписями, развернул ее и положил на стол перед собеседником.

— Рад знакомству, Иван Георгиевич, — прибавил Казачинский все с той же открытой подкупающей улыбкой.

Следует, впрочем, отметить одну странную и даже настораживающую деталь — чем шире он улыбался, тем мрачнее становился немолодой человек, сидящий за столом. Услышав отчество, он едва заметно поморщился. Глуховатым баском поправил:

— Григорьевич, — и стал растирать висок, словно тот почему-то вдруг занял. — Вы, простите, к нам в угрозыск по комсомольской линии попали?

— Н-нет, — после легкой заминки ответил Юра, перестав улыбаться. — Я... э...

Дверь без стука распахнулась, и в кабинет вошел молодой брюнет в штатском, коротко стриженный и со шрамом на виске. Из угла его рта свисала папироса. Походка стремительная, шаги твердые, взгляд

в какие-то ничтожные доли секунды взвесил, оценил, рассмотрел незнакомца — и, похоже, вынес ему окончательный вердикт, не подлежащий обжалованию.

— Товарищ Опалин, — сказал немолодой подчеркнуто официальным голосом, поднимаясь с места и обмениваясь с вновь прибывшим крепким рукопожатием, — вот, полюбуйтесь. Подкрепление нам прислали — опять. Печется о нас начальство...

В последнюю фразу, вроде бы невинную по форме, он ухитрился вложить столько ядовитого сарказма, что Казачинский даже растерялся. Немолодой передал Опалину бумагу, которую тот тщательно прочитал, изредка бросая не слишком приветливые взгляды на нелепую фигуру нового сотрудника.

«Да он ненамного старше меня... — сообразил Юра, таращась на своего будущего непосредственного начальника. — Конечно, лет двадцать пять ему... ну, или двадцать семь... А старик тогда кто?»

Хотя стояло лето и в кабинете было жарко, «старик» — которому на вид казалось чуть больше сорока — был застегнут на все пуговицы. Его серая фуражка с красным кантом лежала на столе, и, покосившись на нее, Казачинский машинально отметил, что она не слишком похожа на ту, которую ему не далее как вчера выдали на складе.

— Где Яша? — спросил Опалин, обращаясь исключительно к старику и напрочь игнорируя нового сотрудника.

— Дома.

— Дома? — Опалин неодобрительно вздернул лосманые брови, его шрам шевельнулся.

— Мать его звонила, сказала, он отлеживается после вчерашнего. Сегодня не придет.

— Прекрасно, просто замечательно, — свирепо одобрил Опалин, — конечно, угрозыск — это такое место, куда каждый приходит когда хочет. Подумаешь, работа! Подумаешь, дело надо делать! — Он бросил бумагу на второй стол, стоящий в кабинете, круто повернулся к Казачинскому, вытащил изо рта папиросу и повысил голос: — А всего-то увидел труп человека, которому перерезали горло. Надеюсь, вы не собираетесь падать в обморок, если нам попадется зарезанный?

— Ну, я... — пробормотал Юра, лихорадочно ломая голову, как себя вести и что вообще сказать, чтобы не восстановить против себя вспыльчивого и непредсказуемого собеседника.

— Почему петлицы зеленые? — требовательно спросил Опалин, кивая на его воротник.

— Я... Мне такую форму выдали. Сказали, другой нет...

Иван смерил своего нового подчиненного хмурым взглядом.

— Сто лет уже не носят зеленые петлицы, — проворчал он, остывая. — И фуражку такую — тоже... Черт знает что!

Не зная, что делать, Казачинский поспешно снял фуражку — и тут же позорным образом выронил, после чего ему пришлось нагибаться и подбирать ее

с пола. Пока он проделывал все эти манипуляции, его коллеги обменялись взглядами, которые были куда красноречивее любых слов. Взгляд Опалина выражал искреннее недоумение, что этот недотепа собирается делать у них в угрозыске; взгляд старика был полон сочувствия и призывал набраться терпения. Сделав раздраженный жест, Иван сунул в рот папиросу, заложил руки в карманы, подошел к окну и стал к собеседнику спиной.

— Скажи, чем ты вообще занимался до того, как к нам попал? — дружелюбно спросил старик у Казачинского.

— Ну, много чем, — оживился Юра.

— Школу-то хоть окончил?

— Да. Семилетку.

— А после школы что?

— Работал.

— Где?

— Да по-разному. И на заводе, и на зубного техника учился, и лошадей, бывало, объезжал.

— Лошадей? — уже безнадежно спросил старик.

— Ну... да. А еще в кино трюки делал. Я трюкач.

— А почему не актер? Внешность у тебя вроде подходящая, — хмыкнул собеседник.

Юра насупился. Нет, к своей внешности этот красивый брюнет с ямочкой на подбородке не имел никаких претензий. Но...

— Да пробовал я поступить в актерский техникум, — признался он в порыве откровенности. —

И меня даже хвалили... Но потом экзаменатор мне говорит — молодой человек, я, конечно, могу вас взять, но подумайте сами: кого вы будете играть? Эпоха, говорит, требует пролетарских типажей, а какой из вас пролетарий? — Казачинский конфузливо хихикнул. — Смешно, да? У меня в роду все крестьяне да рабочие, а мне говорят — не похож я на пролетария. А для белогвардейцев и всякой такой нечисти, сказал мне экзаменатор, у вас лицо слишком положительное...

— Положительное, значит? — вздохнул старик.

— Ага, — подтвердил Юра, лучась улыбкой.

Судя по всему, собеседник Казачинского собирался продолжить свой допрос, но тут, к счастью, их прервал телефонный звонок. Стоящий на столе Опалина аппарат разразился сиплым треском, и — Юра так и не понял, как именно это случилось, но уже в следующее мгновение Иван оказался возле телефона, хотя только что стоял у окна в другом конце кабинета.

— Уполномоченный Опалин слушает. Да... хорошо... понял.

Он повесил трубку и повернулся к остальным.

— С оружием дело иметь приходилось? — спросил Иван у Казачинского.

— Нет, Иван Георгиевич, — пробормотал тот.

— Григорьевич, — сухо поправил его Опалин, и Юра с опозданием сообразил, что сегодня уже не первый раз путает отчество собеседника.

Все было ему внове, все казалось загадочным, странным и необычным, и больше всего — люди, с которыми он столкнулся в кабинете знаменитого здания на Петровке. Они были такие же, как все, и в то же время чувствовалось в них что-то, что отличало их от обыкновенных граждан, которые ходили по улице и не имели допуска в этот приземистый дом в три этажа, считая и цокольный. «Смотрит, а глаза как... забыл... ну, лучи, которые видят человека насквозь... Рентген, во! Или я придумываю, потому что нервничаю? Да нет, ничего я не придумываю...»

— На оружие и кобуру нужно отдельное разрешение, — негромко напомнил старик.

— Ладно, — сказал Иван, — с этим мы потом разберемся... Все равно, пока стрелять не научишься, оружия я тебе не дам. Поехали.

— Куда? — вырвалось у Казачинского. Он прикусил язык, но было уже поздно.

— Как куда? На выезд. Убийство у нас. — Опалин одним движением расплющил окурок папиросы в пепельнице. — Ты же не думал, я надеюсь, что мы тут в бирюльки играем? — Юра молча потряс головой, машинально комкая в руках фуражку. Он чувствовал себя донельзя глупо и с отчаянием думал, что никогда не станет в кругу этих решительных, бесстрашных, проницательных людей своим. — Нет? Ну и хорошо. Петрович, зови наших. Кто сегодня шофер — Харулин? Это хорошо: он вмиг нас домчит!



## Глава 2

# КОЛЛЕГИ

Легковые автомобили и мотоциклы при движении по городу должны быть снабжены двумя номерными знаками, а также сигнальным аппаратом, подающим явственно слышные сигналы. Предельная скорость не должна превышать 25 километров в час.

*«Правила движения по городу Москве», 1927*

В сущности, все оказалось не так страшно.

Группа, выехавшая на место преступления, состояла из пяти человек, если не считать шофера. В нее входили Опалин, старик, которого, как оказалось, звали Карпом Петровичем Логиновым, фотограф Спиридонов с громоздким фотоаппаратом на сложенном штативе, судмедэксперт Владимир Митрофанович Шаповалов и, собственно, сам Казачинский.

Его немного разочаровало, что им выделили не новенький автобус, а обычную старую машину, и вдобавок ко всему — открытую, что при переменчивости московской погоды представляло немалые неудобства. Но июльское солнце светило ярко, ветер бил в лицо, и Юра повеселел. Он решил, что ехать в машине, пусть и толкаясь локтями на тесном сиденье, было даже лучше, чем задыхаться от жары в просторном автобусе.

Подробности его биографии недолго были секретом для окружающих, и едва машина выехала за во-

рота, к Казачинскому как-то сама собой прилепилась кличка «трюкач».

— А ты в «Чапаеве»<sup>1</sup> снимался? — спросил Спиридонов, щуря свои маленькие, но необыкновенно внимательные глаза.

Юра признался, что нет, не снимался, но знает ребята, которые там были заняты в массовке.

— Слушай, трюкач, а ты к нам надолго или так? — спросил Шаповалов.

— Как получится, — уклончиво ответил Юра. Он увидел устремленные на него взгляды, в которых читалось что угодно, кроме одобрения, и тотчас пожалел о своей уклончивости, но было уже поздно.

— Ты, главное, в обморок при виде крови не падай, — добродушно посоветовал Шаповалов, блестя очками. — А то мне приходится бросать труп и оказывать помощь сотруднику. На что это похоже?

Все заулыбались.

— А что, труп претензии какие-то предъявляет? — выпалил Казачинский, и его импровизированная шутка, отдающая черным юмором, немного разрядила обстановку. Сидящие в машине засмеялись.

— Форма у тебя, конечно, это что-то, — заметил Спиридонов, разглядывая устаревшие петлицы на воротнике Казачинского. — Надули они тебя на складе.

---

<sup>1</sup> «Чапаев» (1934) — знаменитый фильм однофамильцев Васильевых, пользовавшийся у зрителей (в отличие от большинства лент схожей тематики) колоссальным успехом.

Знаешь что, ты лучше в штатском пока ходи — у Вани в группе это разрешается. Вот если начальство пожалеет — не наше, а откуда-нибудь сверху, — тогда да, могут быть неприятности. Хотя ты всегда можешь сослаться на то, что только что поступил в ургрузыск.

Казачинский слушал и кивал. Значит, для них человек со шрамом был просто Ваня. Старик, как он успел заметить, фигурировал в дружеских разговорах как Петрович, но как-то подспудно ощущалось, что Ване оказывают больше уважения и к нему обращаются с большим почтением. «Такой жуткий шрам, — думал Казачинский, поглядывая на рубец возле виска Опалина, — конечно, достался ему в каком-то деле... Наверное, чуть не убили его. Опасная у них работа... Но я ведь знал, на что иду. Знал? И в любом случае...»

— Ваня, а это правда, что у нас звания введут, как в Красной армии? — спросил Логинов у Опалина.

— Кто сказал? — Иван нахмурился.

— Да слухи ходят.

— Ну раз Петрович говорит, значит, дело верное, — засмеялся фотограф.

— Захотят и введут, нас не спросят, — усмехнулся Опалин. — И будем все капитаны и лейтенанты. — Возвращение к системе званий расценивалось современниками неоднозначно; многим казалось, что это шаг назад, который не может принести ничего хорошего.

— Не-не, я меньше чем на полковника не согласен, — встрепенулся Шаповалов.

Он был молодой — чуть старше тридцати, — жизнерадостный круглолицый весельчак, и ничто в его манерах не напоминало о его непростой профессии.

— Мы тебя генералом сделаем, — пообещал Петрович, ухмыляясь. — Генерал Шаповалов, на которого никогда не жаловались пациенты...

— Ха-ха-ха!

— Генерал с собственным кладбищем! Чего не о каждом можно сказать! — с пафосом объявил Спиридонов.

— Да, это признак настоящего генерала, — заметил Опалин, улыбаясь.

— Заслужил, товарищи! Заслужил! Днем и ночью трудился без усталости! — прокричал Шаповалов, важно поднимая указательный палец, и все захохотали так, что на них стали оглядываться из соседних машин.

Голова у Казачинского шла кругом. «Ведь где-то убили человека. Может быть, тело еще не остыло... а мы едем туда — и смеемся. — В тесной гимнастерке было жарко, лучи солнца слепили, он надел фуражку, которую держал на коленях, и поправил козырек. — Но, с другой стороны, солнце ведь светит, несмотря на то, что кто-то умер. И жизнь как-то продолжается...»

Пока они стояли на перекрестке, общий разговор принял совсем неожиданное направление. Кто-то упомянул Романа Роллана, который как раз в эти дни гостил в Советском Союзе, и выяснилось, что Петрович и доктор читали его книги и имели о них собственное мнение, отличающееся от газетных панегириков.

— Неплохо пишет, — сказал Шаповалов. — Но — французисто.

— Это как? — спросил Опалин с любопытством.

— Ну, понимаешь, человек старается, и вроде бы герои у него есть, и события разные он умеет подать, а глубины нет. Вроде как тебе обещали описать море, а присмотришься — это не море, а лужа.

— Нет, — решительно объявил Петрович, — ты не прав. Я понимаю, что ты имеешь в виду, но море — не его тема. У него цель другая. Кто-то описывает море, а кто-то — парус.

— А еще кто-то — ракушку на берегу. А если мне неинтересны ракушки? И вообще, все французские писатели одинаковые: блеска много, а копнешь — кроме него, ничего-то и нету. Куда им до наших...

— Угу, до Алексея Максимыча, например, — ехидно ввернул фотограф.

— Я не о современных. Впрочем, я ничего против Горького не имею...

От Казачинского не укрылось, что вместо последней фразы судмедэксперт собирался сказать что-то едкое, но передумал — может быть, из-за его присутствия. Горький был иконой — настолько, насколько может быть ею человек в стране, официально являющейся противницей любых религий. Среди писателей он занимал исключительное положение и считался непререкаемым авторитетом во всем, о чем пожелал бы высказаться, начиная от политики Муссоли-

ни<sup>1</sup> и заканчивая проблемами ядерной физики. В его честь были названы огромный город, лучшая улица Москвы и грандиозный парк отдыха, не говоря о сотнях прижизненных статуй, о кораблях и самолетах, о колоссальных тиражах и подписанных его именем статьях на первых страницах газет. Но несоответствие реального таланта и масштаба раздуваемой вокруг Горького шумихи уже тогда бросалось в глаза и не на шутку задевало тех, кто любил и ценил настоящую литературу. В сущности, он был хитрый мужик, который сидел на одной лавочке с Толстым и Чеховым и сначала, при царском режиме, умело эксплуатировал свой образ человека из народа и гонимого борца за справедливость, а после революции благосклонно внимал всем преувеличенным хвалам в свой адрес. Распознать его человеческое лицо под масками, которые он носил и исподволь навязывал окружающим, было нелегко, потому что весь он, начиная с хлесткого псевдонима, состоял из эффектов, из игры, то тонкой, то топорной, одним словом — из мнимостей. Как колобок, он долгое время ускользал от всех и свои выдуманные или истинные неприятности всегда оборачивал в свою пользу, что является признаком манипулятора высочайшей пробы, но — как и в сказке — однажды неминуемо должен был нарваться на лису или, вернее, на лису, который таких

---

<sup>1</sup> Бенито Муссолини (1883–1945) — глава фашистской партии и фактический правитель Итальянского королевства, где долгое время жил Горький (на Капри, в Сорренто и в других местах).

манипуляторов заглатывал пачками. Внешне, впрочем, все выглядело вполне пристойно: товарищ Горький больше не мог лечить свой туберкулез на фашистском Капри и вернулся в СССР, где ему создали наилучшие условия для работы — оттяпали прекрасный особняк Рябушинского у учреждения, которое порядочно его загадило, сделали ремонт, завезли мебель, приставили секретарей — ну и охрану, само собой, потому что писателя обидеть может каждый, а ему этого вовсе не нужно. И сейчас, летом 1935 года, Горький продолжал сочинять «Жизнь Клим Самгина» — последний роман, который подводил под его творчеством черту, роман многословный, обширный — и слишком умственный для настоящего произведения искусства; роман, в котором вроде бы есть все и в то же время чего-то мучительно не хватает.

— Приехали! — крикнул Харулин.

Он затормозил так резко, что сотрудников отбросило назад на сиденья, а Спиридонов едва не уронил фотоаппарат, хоть и держал его всю дорогу бережно, как новоиспеченный папаша — своего младенца.

Весельчак Шаповалов выругался столь заковыристо, словно являлся человеком, который в жизни не прочел ни единой книги и все свободное время проводил в бандитских притонах. Казачинскому было не привыкать к нецензурной брани, но тут он, надо признаться, малость опешил. По его мысли, шофер ни в чем не был виноват — какой-то человек кинулся наперерез их автомобилю, и если бы Харулин не затормозил, то сбил бы его.